

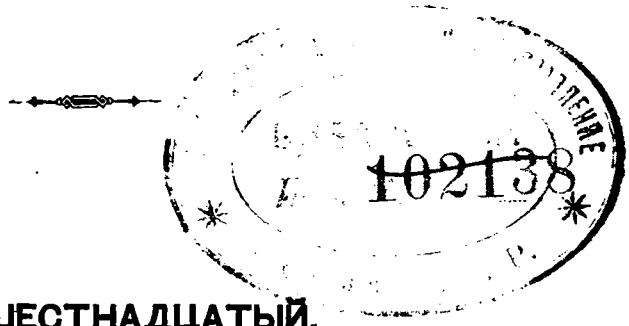
5 1939

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО
 СТАТИСТИЧ. КОМИТЕТА
 МИНИСТР. 10 ИЮЛЬ 89 СМУР. Д.
 ШКАФЪ 96. ПОЛ. 4.
 16977. № 1.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,
 въ типографіи Ульриха и Шульце.
 1875.

△
L Soc 39 85.151 [16]

Печатано по определению совета Императорского новороссійскаго университета.
Ректоръ *В. Леонтовичъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.	Стран.
Протоколы засѣданій совѣта съ 20 сентября по 23 декабря 1874 г.	1— 57
II. Часть ученая.	
Значеніе византийскихъ занятій въ изученіи средне-вѣковой исторіи. <i>Θ. Успенскаю</i>	1— 20
Отзывъ о сочиненіи г. Дювернуа: «основная форма корреального обязательства», — составленный профессоромъ <i>П. Цитовичемъ</i>	21— 36
Отчетъ объ экскурсіяхъ, произведенныхъ въ 1874 году въ губерніяхъ саратовской и самарской. <i>И. Синцова</i>	37— 61
Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. <i>М. Шпилевскаю</i>	63—258
III. Приложение.	
Замѣчанія на программу изданія, въ русскомъ переводѣ, церковныхъ правилъ съ толкованіемъ. <i>А. Павлова</i>	1— 17
IV. Объявленіе:	
Объ изданіи «Извѣстій» Императорскаго русскаго географическаго общества.	

Значеніе византійскихъ занятій въ изученіи средневѣковой исторіи.

Вступительная лекція по всеобщей исторіи доцента Ѳ. И. Успенскаго.

Мм. Гг. Предполагая въ текущемъ году предложить вашему вниманію курсъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ, во вступительномъ чтеніи я нахожу не бесполезнымъ познакомить васъ съ нѣкоторыми сторонами изученія этого предмета. Исторія среднихъ вѣковъ, еще недавно мало обращающая на себя научнаго вниманія, не имѣвшая ни строго опредѣленныхъ границъ, ни прочно установленнаго объекта изученія, въ настоящее время привлекла къ себѣ значительное количество научныхъ силъ, пробудила интересъ въ нѣкоторой части общества и настоятельно требуетъ себѣ почетнаго и пространнаго мѣста не только въ университетскомъ преподаваніи, но и въ книгахъ, посвященныхъ школъ и публикѣ. Изученіе исторіи среднихъ вѣковъ поднялось до научнаго уровня съ тѣхъ поръ, какъ оставлены были предвзятыя теоріи, съ которыми обыкновенно относились къ ней въ XVIII и началѣ XIX вв., какъ было сознано, что новыя государства лишь постепенно приходятъ къ разрѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые подняты были въ средневѣковую эпоху, что и по настоящее время образованнѣйшіе европейскіе народы находятся только на различныхъ стадіяхъ разрѣшенія политическихъ, нравственныхъ и социальныхъ вопросовъ, попытка поставить которые кроется въ средневѣковой эпохѣ. Сознаніе важности исторіи среднихъ вѣковъ, стоящее въ связи съ пробужденіемъ національнаго самосознанія европейскихъ народовъ, поддерживаемое просвѣщенными правительствами, повело

къ разслѣдованію, разработкѣ, изданію и объясненію памятниковъ средневѣковой исторіи; такимъ образомъ стала возможна наука исторіи среднихъ вѣковъ. И въ настоящее время уже не имѣетъ болѣе мѣста вопросъ о томъ, достойна ли изученія эта область исторіи.

При непосредственномъ, безкорыстномъ отношеніи къ предмету, не представляется особенныхъ затрудненій въ опредѣленіи содержанія науки исторіи и ея предѣловъ. Но людскія страсти находятъ доступъ и не рѣдко гнѣздятся въ самыхъ нѣдрахъ науки. Если необходимо допустить, что одни народы привнесли больше въ общую сокровищницу человѣческой культуры, чѣмъ другіе, менѣе надѣленные сравнительно съ первыми, непризванные стоять во главѣ цивилизаціи и ограничивающіеся лишь способностью въ большей или меньшей мѣрѣ усвоить то, что выработано высшими культурными націями; если согласиться на общепринятое въ западно-европейской наукѣ дѣленіе націй на культурныя и некультурныя; то весьма естественно рождается мысль о томъ, что исторія должна главнѣйше останавливаться на культурныхъ, заправлявшихъ ходомъ событій народахъ, ограничиваясь лишь поверхностнымъ упоминаніемъ объ остальныхъ націяхъ, обдѣленныхъ природою. Какъ скоро въ научную область привносится національный элементъ, то, однихъ поощряя къ предпринимчивости и усиліямъ на поприщѣ изысканій, весьма не рѣдко онъ злоупотребляется другими и въ высококомъ дѣлѣ науки предлагается не совсѣмъ для научныхъ цѣлей. Не отрицая пользы изысканій, согрѣтыхъ теплымъ чувствомъ народности, я желаю обратить вниманіе на то, что при этомъ часто не замѣчаются мало видныя, не рѣдко скрытыя силы, вообще не выслушивается *et altera pars* и не воздается такимъ образомъ должной справедливости всѣмъ историческимъ дѣателямъ.

Не буду входить въ подробное исчисленіе и разборъ основаній, по которымъ западная, въ особенности нѣмецкая историческая наука предвосхищаетъ первичную культурную роль въ средней и новой исторіи почти исключительно въ пользу нѣмецкаго племени. Въ кругъ средневѣковой исторіи вводятся обыкновенно тѣ народы, которые въ болѣе или менѣе мѣрѣ способство-

вали развитію нѣмецкой жизни и искусства, или хотя принимали участіе въ этомъ развитіи. Всѣмъ другимъ народамъ удѣляется въ ней мѣста лишь на столько, на сколько они способствуютъ къ разъясненію нѣмецкой исторіи. Хотя новая историческая школа, съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія тщательно занявшаяся разработкой провинціальной исторіи и разслѣдованіемъ мѣстныхъ архивовъ, значительно высвободилась изъ подъ ограничивающаго вліянія старой школы; тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ въ общихъ курсахъ и изслѣдованіяхъ по вопросамъ средневѣковой исторіи или весьма мало, или совсѣмъ не дается мѣста исторіи народовъ, пограничныхъ съ романо-германскимъ міромъ. Между тѣмъ сосѣдній съ нимъ восточно-европейскій или греко-славянскій міръ не только въ силу исторической давности на европейскомъ материкѣ, но и по своеобразной культурѣ, историческому назначенію, важной роли во всѣхъ европейскихъ событіяхъ—заслуживаетъ по меньшей мѣрѣ столь же усерднаго изученія, какъ и романо-германскій міръ; безъ тщательнаго изученія этого міра событіямъ средневѣковой исторіи по необходимости придается ложный свѣтъ и не вѣрное толкованіе.

Въ силу односторонняго пониманія и неправильнаго ограниченія содержанія средневѣковой исторіи разработка однихъ частей привлекла много научныхъ силъ въ ущербъ другимъ. При исключительномъ предпочтеніи къ германо-франкской исторіи, свѣдѣніями объ ней наполняются курсы и учебники; популярныя книги имѣютъ дѣлю распространять въ обществѣ знакомство съ тѣмъ же предметомъ. Изъ гимназическаго курса мы выносимъ весьма смутныя неопредѣленныя и отрывочныя знанія по славянской и византійской исторіи. О національно-воспитательномъ значеніи исторіи поэтому у насъ не можетъ быть и рѣчи.

Всматриваясь въ умственный и нравственный характеръ тѣхъ народовъ, которымъ, по общепринятому въ западной наукѣ мнѣнію, принадлежитъ первое мѣсто въ средней и новой исторіи Европы, мы находимъ, что не всегда отъ нихъ зависѣло поднятіе, а частію и разрѣшеніе главнѣйшихъ вопросовъ средне-и ново-европейской цивилизаціи, не тѣ событія средневѣковой исторіи представляются важнѣйшими, въ которыхъ принимали участіе силы

Одного запада, что востокъ или собственно византійская имперія несравненно болѣе имѣетъ заслуги въ дѣлѣ распространенія цивилизаціи, духовнаго и нравственнаго воспитанія народовъ, чѣмъ западъ. Не берусь взвѣшивать культурныя силы, которыми обладаютъ современные историческіе народы Европы: еще ни одинъ изъ нихъ не сказалъ своего послѣдняго слова, наука историческая еще не можетъ съ увѣренностію приписать тому или другому изъ нихъ разрѣшеніе разныхъ политическихъ, моральныхъ, соціальныхъ и другихъ задачъ. Рѣчь можетъ идти лишь о тѣхъ вліяніяхъ и мотивахъ, которыми обуславливались нѣкоторыя изъ явленій средневѣковой исторіи.

Извѣстно, что новоевропейскія государства образовались подъ болѣшимъ или меньшимъ вліяніемъ римскихъ понятій и учрежденій и христіанства. Но съ конца III вѣка Римъ перестаетъ быть столицей имперіи, которую императоръ Константинъ окончателно перенесъ на востокъ, въ древнюю Византію, нынѣ Цареградъ. Между тѣмъ, какъ въ концѣ V вѣка на западѣ уже прекратился послѣдовательный рядъ лицъ, носившихъ титулъ императора, и самыя преданія и практика имперіи, повидимому, навсегда исчезли, новая имперія въ Цареградѣ, въ періодъ тысячелѣтняго существованія, продолжала, въ силу историческаго призванія, развивать понятія и учрежденія, завѣщанныя имперіей и, слѣдуя преданію, духовно воспитывать новыя народы. Византійская имперія до сихъ поръ болѣе слышала себѣ упрековъ и порицаній, чѣмъ вызывала безпристрастныя изслѣдованія. Трудно было бы и защитить ее противъ множества нападокъ и обвиненій, старательно собираемыхъ съ давняго времени: въ самомъ дѣлѣ, легче подмѣчать слабыя стороны и обобщать ихъ, чѣмъ изучать частности и входить въ подробныя разслѣдованія. Многое въ Византіи представлялось страннымъ для случайныхъ посѣтителей Цареграда, загадочна и по настоящее время ея исторія: но находили въ ней и такія стороны, которыя желательно было перенести въ западную жизнь. Не предпринимая на себя праяздной роли—защитника Византіи, я останавливаю ваше вниманіе во 1-хъ на заслугахъ византійской имперіи въ пользу европейскаго человечества, во 2-хъ на нѣкоторыхъ явленіяхъ средневѣковой исторіи, которыя могутъ быть

поняты и правильно объяснены только при посредствѣ византійскихъ занятій—обстоятельства, несомнѣнно требующія отъ исторической науки бѣльшей внимательности къ Византіи, чѣмъ какое оказывается ей до сихъ поръ.

Воспитательная роль новоевропейскихъ народовъ по преимуществу выпала на долю византійской имперіи. Историческая наука, отдавая ей дань признательности за прямое, благодѣтельное воздѣйствіе на дикія орды, воспитанныя ею въ историческіе народы, не должна забывать и тѣхъ великихъ пожертвованій, которыя Византія принесла на пользу всей Европы, представляя въ себѣ оплотъ цивилизаціи. Нѣтъ нужды много останавливаться на указаніи послѣдовательнаго ряда вторженій дикихъ народовъ, которыми Византія должна была полагать предѣлы и ставить препоны. Напомню общезвѣстные факты. Въ IV вѣкѣ она почти погибала подъ ударами готовъ, въ V тѣснима была гуннами и вандалами, въ VI должна была сдерживать движеніе славянъ, въ VII угрожаема персами и аварами; далѣе, арабы, болгаре, русскіе, угры, половцы и команы, печенѣги, турки-сельджуки—каждый изъ этихъ народовъ неудержимо стремился къ Цареграду и преобладаніе каждаго изъ нихъ въ бѣльшей или меньшей мѣрѣ угрожало цивилизаціи; съ запада не меньшая опасность грозила Византіи со стороны норманновъ и крестоносцевъ. Мало того, что Византія устояла противъ всѣхъ враговъ; оружіемъ и дипломатическими приѣмами, проповѣдію христіанства и цивилизующимъ вліяніемъ она старалась укротить, облагородить дикарей и приохотить ихъ къ выгодамъ гражданской и мирной жизни. Изъ колыбѣвъ славянскихъ, болгарскихъ, мадьярскихъ и варяжскихъ орды она создала историческія націи: сербскую, хорватскую, болгарскую, угорскую и русскую. Вліяніе ея шло и далѣе на западъ, гдѣ византійскіе проповѣдники въ IX в. успѣли обратить къ христіанству мораванъ, чеховъ, распространить ея духовное вліяніе на поляковъ и частію сербовъ лужицкихъ. Византія сдѣлала для восточно-европейскаго міра съ бѣльшимъ самоотверженіемъ тоже самое, что Римъ для западнаго. Восточно-европейскіе народы обязаны ей вѣрой, литературой, языкомъ книжнымъ и гражданскимъ устройствомъ. Служа передовымъ лагеремъ и оплотомъ цивилиза-

ція противъ варварства и невѣжества дикарей, Византія сохранила для западной Европы литературныя сокровища, завѣщанныя древнимъ міромъ и вынесла на своихъ плечахъ разрушительный потокъ варварскаго нашествія, который безъ нея охватилъ бы большую половину Европы и надолго задержалъ бы въ невѣжествѣ европейское челоѣчество. Въ самомъ дѣлѣ, въ вѣкѣ великаго передвиженія народовъ, одна Византія могла представлять и безопасное убѣжище для ученыхъ и поэтовъ, и надежное книгохранилище. Благодаря этому германцы, славяне, арабы и турки могли получить отъ Византіи и забытыя свѣдѣнія о своей первоначальной исторіи, и первое руководство въ духовно-нравственномъ воспитаніи. Не забудемъ еще, что Византія неоднократно спасала всю Европу. Арабское нашествіе безъ отпора, встрѣченнаго въ Византіи, необходимо разлилось бы за Босфоръ; сельджуки, не задержанные подъ Никеей, овладѣли бы восточной Европой; въ періодъ высшаго своего могущества оттоманы 100 л. задержаны были подъ стѣнами Цареграда, и въ XVI вѣкѣ вмѣсто того, чтобы быть у Тибра и Лабы, дошли только до Вѣны.

При общей неурядицѣ, постигшей Европу въ V вѣкѣ, среди полнаго господства безначалія и необузданныхъ страстей, живучесть политическихъ и нравственныхъ задачъ римской имперіи обусловливалась полнымъ представительствомъ идеи имперіи на востокѣ. Византійскій императоръ одинъ оставался главою восточнаго и западнаго міра. Куда не достигали его легіоны, миссіонеры и легаты и тамъ чувствовалось чарующее значеніе его имени и власти. Народы, искавшіе поселеній и господства на римской почвѣ, какъ не могли и не считали нужнымъ уничтожить прежнее населеніе, такъ не въ силахъ были измѣнить господствовавшія формы общественности и искоренить обычаи и воззрѣнія. Притомъ, готовныя формы были выше и лучше, варвары ничего не могли дать въ замѣнъ ихъ. Вотъ почему, верхъ политическаго тафта того времени заключался въ признаніи необходимости, для обезпеченія своего господства, или применить такъ или иначе къ имперіи, или формально исходатайствовать себѣ символъ власти. И въ первое время, вслѣдъ за паденіемъ западной имперіи, и послѣ — менѣе значительныя варварскіе властители стремятся къ приобрь-

тению отъ византійскаго императора *dignitatis insignia* (1), т. е. разныхъ почетныхъ титуловъ, установленныхъ при императорскомъ дворѣ, чѣмъ они пролагали себѣ путь къ господству на римской почвѣ. Титуломъ *Dominus Romanorum* или *Rex Romanorum*, пожалованнымъ византійскимъ императоромъ, удовлетворялись уже болѣе сильныя властители, какъ напр. Теодорихъ (2); такимъ только путемъ и франкскіе властители могли дойти до мысли — возстановить на западѣ достоинство римскаго императора. Въ стремленіи обезпечивать свою власть формальными договорами съ византійскимъ императоромъ, брачными узами съ византійскими принцессами и родственницами императоровъ облагораживалось это поколѣніе и возвысилось его, въ этомъ стремленіи, которое можно прослѣдить отъ V до XIII в., самымъ яркимъ образомъ выявляется сознание источника верховной власти и чуждымъ происхожденіемъ отъ Византіи западныхъ римскихъ патрициевъ, а также и императоровъ. Приведу замѣчательнѣйшіе случаи этого рода. Готскій вождь Атаульфъ, вѣдѣя имперію, увидѣвъ въ римскихъ формахъ власти, ему не удовлетворявшихъ въ своемъ положеніи; отсюда желаніе — переименовать себя въ императора и объявить себя цезаремъ Августомъ; чтобы достигнуть этого, онъ обратился къ другимъ варварамъ и пригласилъ къ имперіи въ свою очередь Готтру императора Гонорія Плацидію (3). Атаульфъ послѣдовалъ въ Царградъ и пораженный великодушнымъ гостеприимствомъ кораблей на Босфорѣ, стараясь выказать уваженіе къ національностямъ, говорилъ: «Богъ земли Византіи!» (4) Король Теодорихъ, вѣдѣя имперію, увидѣвъ въ византійскомъ дворѣ, обладавшемъ великимъ богатствомъ, и лучше другихъ понимавшемъ потребности своего народа, однако, не могъ идти на поводу, и послѣдовалъ въ Византію, чтобы получить въ царствѣ своемъ утвержденія въ королевскомъ достоинствѣ, и достигъ этого.

(1) *Consul, patricius*

Exheredatus, &

(2) *Teodoricus*

Teodoricus

Teodoricus

Teodoricus, Rex Gothorum

Teodoricus, Rex Gothorum

своихъ поданныхъ — варваровъ ему не создать государства на римской почвѣ, онъ принялъ римскія государственныя формы какъ для своего двора, такъ и въ управленіи подданными⁽¹⁾. Лица, стоявшія во главѣ его правительства, также проникнуты были благоговѣйнымъ уваженіемъ къ имперіи. «Наше королевство, пишетъ Кассиодоръ къ императору Анастасію, есть подражаніе вашего; что перенимаемъ мы у васъ, тѣмъ превосходимъ другіе народы⁽²⁾». Тому же Θεодориху Иорнадъ приписываетъ такую рѣчь, обращенную къ императору Зенону: «Веди меня съ моимъ народомъ на враговъ своихъ: я вашъ рабъ и сынъ, пока живу — владѣю королевствомъ по вашей милости»; и Иорнадъ, передавая эти угодническія отношенія, нисколько не находитъ ихъ странными и неумѣстными: «Θеодорихъ получилъ санъ консула, что считается высшимъ благомъ и первою въ мѣрѣ почестью» прибавляетъ онъ⁽³⁾. При такомъ возрѣнн новыихъ завоевателей на отношенія къ имперіи, нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые изъ нихъ за подачку отъ Византіи готовы были продать высшіе интересы своего народа. «Если бы мнѣ удалось получить имѣнье, пишетъ Θεодатъ къ Юстиніану I, съ котораго бы я могъ имѣть хоть 1200 ф. золота, то я бы предпочелъ ему мое королевство и сейчасъ же передалъ тебѣ власть надъ готами и Италіей»⁽⁴⁾. Благоговѣйное отношеніе къ имперіи, которое можно подмѣтить у всѣхъ народовъ, входившихъ въ соприкосновеніе съ Византіей⁽⁵⁾, какъ германскаго, такъ славянскаго и монгольскаго происхожденія, не исчезло и въ періодъ образованія новоевропейскихъ государствъ.

Римскіе императоры германской націи, олицетворивъ идею имперіи на западѣ, не могли однако забывать, что не было преемственности въ переходѣ отъ римскихъ императоровъ къ германскимъ, что ту и другую имперію раздѣляетъ ничѣмъ не восполнимый періодъ времени. Если западно-европейскіе народы начи-

(1) Jornand., c. LVII—LVIII; Procopius, De bello Gothico c. I.

(2) Cassiodor, IX. 21.

(3) Jornand., ibidem.

(4) Procop., De bello Gothico c. VI.

(5) Menandr, Excerpta p. 99—101, 154, 155.

нали свыкаться съ законностью и необходимостью императорской власти въ лицѣ каролингъ и императоровъ саксонской династїи, то весь востокъ Европы продолжалъ относиться къ восточному царю, византійскому императору, какъ къ источнику власти на землѣ. Въ стремленіи западныхъ императоровъ получить изъ Византіи формальное признаніе за ними новаго титула, въ обычаѣ вступать въ брачныя узы съ дочерьми и родственницами византійскихъ императоровъ ⁽¹⁾ сказывается, какъ было замѣчено, таже дань требованіямъ времени, что и въ отношеніяхъ къ византійской имперіи варварскихъ властителей. Весьма любопытное указаніе на такое расположеніе умовъ въ западной Европѣ находимъ въ сочиненіи Оттона Фризинскаго, *Gesta Friderici I* ⁽²⁾. Въ этомъ сочиненіи помѣщено письмо Конрада III къ византійскому императору Іоанну Комнину, замѣчательное какъ по воззрѣніямъ на взаимныя отношенія двухъ имперій, такъ особенно по одному частному случаю, на который дѣлается въ немъ указаніе. Разъ напали русскіе на подданныхъ Конрада, вѣроятно кушцовъ, разграбили ихъ товары и деньги. Западный императоръ, опечаленный этимъ случаемъ, обращается къ І. Комнину съ жалобой на русскихъ и, во имя дружбы и родства, проситъ похлопотать о восполненіи его потерь. Незвѣстны ближайшія обстоятельства, стоящія въ связи съ упоминаемымъ здѣсь случаемъ; тѣмъ не менѣе, обращеніе германскаго императора къ византійскому въ такомъ дѣлѣ весьма ярко характеризуетъ отношенія, о которыхъ мы говоримъ.

Если содержаніе средневѣковой исторіи не исчерпывается только исторіей романо-германскихъ народовъ, то долженъ открыться совершенно новый кругозоръ и лучшая будущность для исторической науки. Тогда событія, имѣющія связь съ культурой восточной Европы, займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи, византійская схизма явится подъ другимъ освѣщеніемъ, точнѣе разграничится двоякій ходъ европейской цивилизаціи и разработка источниковъ византійской и славянской исторіи получитъ подобающее ей признаніе и значеніе.

⁽¹⁾ Einh. ann. a. 811; Jaffé, Biblioth rerum Germ. Codex Carol. № 45; Liutprandi Legato, ap. Muratori II p. 479.

⁽²⁾ Ap. Pertz, SS. XX. p. 363.

Для безпристрастной и правильной оцѣнки многихъ событий и явленій средневѣковой исторіи византійскія занятія имѣютъ еще мало оцѣненное значеніе. Не трудно понять причину этого. Самостоятельной, независимой разработки всеобщей исторіи еще почти нѣтъ въ русской исторической литературѣ. Мы знаемъ только то и знаемъ такъ, что и въ какомъ видѣ даетъ намъ западно-европейская наука. Не бѣдны своими отечественными, примѣрно изданными и объясненными источниками, западные ученые недовѣрчиво относятся къ византійцамъ, и отдѣльныя попытки—ввести восточныхъ писателей въ кругъ историческаго изученія, отдавая ихъ свидѣтельствамъ такое же вниманіе, какъ германскимъ и франкскимъ лѣтописцамъ, не находятъ себѣ сочувственнаго приѣма и подражанія. Другой вопросъ—научно ли это, и не терпятъ-ли историческая наука за равнодушіе къ византійцамъ.

Извѣстно, что отдѣленіе церкви отъ государства и поглощеніе послѣдняго первою, съ исторической точки зрѣнія, представляется существеннымъ отличіемъ института средневѣковаго папства; не безызвѣстно также, что непомѣрнымъ притязаніямъ папъ искони была полагаема преграда какъ въ новаторскихъ стремленіяхъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ уклоненіяхъ отъ церковной доктрины цѣлыхъ обществъ, конечнымъ и совокупнымъ результатомъ чего была реформаціонная эпоха, подорвавшая притязанія папства и освободившая средневѣковое общество отъ тяжелыхъ оковъ духовнаго, умственнаго и тѣлеснаго рабства. Зерно, заключавшее въ себѣ скрытый плодъ недовольства папскою властію, развившееся подъ своеобразными условіями, занесено было въ западную Европу съ востока; неблагоприятныя условія сначала задерживали въ немъ жизнь, но съ теченіемъ времени оно успѣло дать отпрыскъ въ сектѣ альбигойцевъ, завоевало себѣ жизнь въ гуситскомъ движеніи и наконецъ принесло плодъ въ реформаціи. Признано ⁽¹⁾, что болгарская секта богомиловъ, нося на себѣ признаки восточнаго, византійскаго происхожденія, въ свою очередь

(1) Гильердингъ, Собраніе сочиненій I стр. 130—131; 226—237; Rad Jugoslav. Acad., кн. VII, VIII, IX Bogomili i patarenii—статья Raškoga; Осокинъ, Исторія Альбигойцевъ I. стр. 117, 135, 137 и др.

имѣеть связь съ ересями, возбужденными въ концѣ XII и началѣ XIII вв. ожесточенное преслѣдованіе со стороны папы Иннокентія III. Тщательное изученіе эпохи гуситскаго движенія и сравненіе сочиненій Гуса и Лютера приводитъ къ тому заключенію, что послѣдній, требуя постановки и разрѣшенія тѣхъ же вопросовъ, что и первый, имѣеть отъ него и коренныя отличія⁽¹⁾; гуситское движеніе представляетъ собою весьма полное доказательство того, что въ Чехіи не была еще забыта пора, когда она находилась подъ церковнымъ и умственнымъ вліяніемъ Византіи, — это было движеніе чисто народное, вызванное насильственнымъ отдѣленіемъ чеховъ отъ восточной церкви.

Въ вопросѣ отдѣленія восточной церкви отъ западной византійско-славянскія политическія отношенія играли самую видную роль. Напрасно стараются указывать на смуты въ Византіи, на незаконныя дѣйствія царградскихъ патріарховъ, на догматическія отступленія; это лишь юридическій casus, формулированный въ папской канцеляріи, которымъ прикрывались для массы неблагочестивыя цѣли возрастающаго могущества папъ. Земныя страсти, стремленіе къ преобладанію, желаніе господства¹ полного и безраздѣльнаго надъ новообращенными болгарами, мораванами, чехами — руководили тогда дѣйствіями, распоряженіями и мѣропріятіями папъ. Незначительность вліянія вѣроисповѣднаго вопроса на взаимныя отношенія востока къ западу всего яснѣе выказалась въ эпоху крестовыхъ походовъ. Вожди крестоноснаго ополченія стремятся лишь пріобрѣтать области, отнятыя у турокъ-сельджуковъ, вступаютъ въ вассальныя отношенія къ византійскому императору и успѣваютъ въ IV походѣ основать латинскую имперію. Но эта же эпоха нанесла тяжкій ударъ папству и всему средневѣковому строю жизни. Папство не оставалось въ невѣдѣніи, что съ востока приносятся въ Европу враждебныя ему идеи, что новый духъ, которымъ заражались крестоносцы, опасенъ для него и что съ нимъ нужно бороться. Я укажу въ подтвержденіе этого на нѣкоторыя обстоятельства изъ известной борьбы между гвельфами и гибеллинами. Въ XII в. съ новою силой возбужденъ былъ во-

(1) Гильбердингъ, I. стр. 357; Новиковъ, Гусъ и Лютеръ.

прось о воссоединеніи церквей, вопросъ никогда впрочемъ не умирившій и находившій всегда непреодолимыя препоны въ притязаніяхъ папъ. Крестовые походы, поставивъ въ болѣе правильныя и частія сношенія коронованныхъ особъ запада и востока, возобновили обычай брачныхъ узъ между императорскими домами, при чемъ велись переговоры и о соединеніи церквей. При Конрадѣ III и Фридрихахъ I и II съ одной стороны, при Іоаннѣ и Мануилѣ Комнинахъ и Іоаннѣ Ватацѣ съ другой, т. е. въ періодъ борьбы императорства съ папствомъ, не только отношенія западной и восточной имперіи были искренни и близки, но, что замѣчательно, западные императоры искали себѣ опоры противъ папъ въ практикѣ византійской имперіи. Для характеристики этого рода отношеній я воспользуюсь перепиской между названными лицами, которая сохранилась до сихъ поръ частью въ качествѣ официальныхъ актовъ, частью въ передачахъ близкихъ къ дѣятелямъ лицъ. Въ указанномъ выше письмѣ Конрада III къ императору I. Комнину, гдѣ онъ проситъ между прочимъ византійскаго императора принять мѣры противъ русскихъ, ограбившихъ его людей, такъ характеризуются взаимныя отношенія имперій: «Нѣтъ племени, царства или народа, который бы не зналъ, что вашъ новый Римъ считается и останется дочерью нашей римской республики... Наши выгоды общія, одни у насъ друзья и одни враги на сушѣ и на морѣ; норманнъ-ли, сицилиецъ-ли, или какой другой врагъ, кто бы онъ ни былъ и гдѣ бы ни жилъ, если онъ окажетъ непочтеніе дочери, извѣдаетъ силу и военную доблесть матери. Всѣ царства увидятъ и услышатъ, какъ легко мы поражаемъ непріятелей, которые поднялись противъ самодержавія имперій нашихъ (1)». Въ концѣ письма высказывается просьба, чтобы императоръ Іоаннъ далъ мѣсто въ столицѣ для постройки нѣмецкой церкви. Сынъ императора I. Комнина, Мануиль, женатый на нѣмецкой княжнѣ, также поддерживалъ тѣсныя отношенія съ Конрадомъ. Изъ переписки ихъ привожу часть письма, сообщаемого Оттономъ Фризинскимъ (2). «Что ты просишь прислать

(1) *Otonis Frising. Gesta Friderici I ap. Pertz SS. XX p. 363.*

(2) *Ibidem. p. 364—365.*

500 воиновъ, такъ не только 500, но даже двѣ или три тысячи пошлю тебѣ, если нужно; скажу больше, прежде чѣмъ потерплю какой нибудь ущербъ твоей чести, подниму всю силу моей имперіи и самъ лично явлюсь къ тебѣ, какъ къ любезному сыну и дорогому брату». Такая пріязнь между Конрадомъ III и византійской имперіей усилилась, безъ сомнѣнія, во время II-го крестоваго похода, въ которомъ Конрадъ принималъ участіе (1147—1148). Папы весьма внимательно слѣдили за дѣйствіями крестопосцевъ, направляя походы согласно своимъ видамъ; современникъ II-го похода Евгений III, подозрительно смотрѣвшій на дружественныя отношенія Конрада къ Мануилу, поручилъ своему канцлеру Гвидо развѣдать въ Германіи, не найдется-ли средствъ разстроить опасный союзъ. Въ I томѣ нѣмецкой бібліотеки, издаваемой Яффе (1), помѣщена весьма любопытная переписка по этому поводу приближеннаго и довѣреннаго лица императора Конрада, Вибальда съ папской канцеляріей. По возвращеніи Конрада съ востока, Вибальдъ, между прочимъ, пишетъ объ немъ: «Не умолчу, что я замѣчаю перемѣну въ нашемъ императорѣ: онъ сдѣлался недоступнѣе, справедливѣе и дѣятельнѣе въ отправленіи правосудія». Нужно думать, что Вибальдъ не все сказалъ о перемѣнахъ въ императорѣ; въ октябрѣ 1149 г. къ нему пишетъ папскій канцлеръ: «Я хочу поговорить съ тобой, какъ съ человѣкомъ осторожнымъ и благоразумнымъ и испытаннымъ въ расположеніи. Стало извѣстно папѣ и намъ, и вездѣ носятя слухи, что императоръ Конрадъ, вмѣстѣ съ цереградскимъ императоромъ, располагаетъ нанести, если можно, тяжкій ударъ и пораженіе св. римской церкви... Увѣщаваемъ любовь твою, прими всевозможныя мѣры, чтобы миновала св. апостольскую римскую церковь такая опасность» (2). Пока я не буду вдаваться въ догадки, какая собственно была опасность для папы въ пріязненныхъ отношеніяхъ Конрада къ Византіи. Во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ не о соединеніи церкви, которое не могло же состояться безъ вселенска о собора т. е. безъ папскихъ легатовъ; нѣтъ, Конрадъ возвратился изъ

(1) Jaffé, Biblioth. rerum Germanic. I. Wibaldi epistolae.

(2) См. epistolae 195, 198, 237.

Византіи *fastu et inobedientia Graecorum aliquantulum corruptus*. Въ отвѣтъ на секретное порученіе Вибальдъ писалъ канцлеру папы: «Я исполнилъ, о чемъ вы меня просили; долгимъ сожительствомъ и постоянными убѣжденіями я виѣдрилъ въ этого человѣка благое послушаніе и смиреніе (¹)». Изъ этой же переписки узнаемъ, что и преемникъ Конрада III, Фридрихъ I не только искалъ себѣ жены между византійскими принцессами, но и общалъ поддерживать ту же политику относительно Византіи, какъ и Конрадъ III (²).

Въ чемъ состояла, съ точки зрѣнія папы, развращенность императоровъ, которые проитаны были духомъ византійскихъ попятій, наглядное объясненіе этого представляетъ переписка Фридриха II съ никейскимъ императоромъ I. Ватацей и Михаиломъ, деспотомъ эфирскимъ, — четыре письма, относящіяся въ 1250 году (³). Извѣстно, что во Фридрихъ II папы нашли самого сильного и укорнаго врага, съ которымъ нельзя было справиться тѣми же средствами, какими, на примѣръ, былъ ослабленъ Генрихъ IV. Поэтому любопытно взглянуть на ту нравственную основу, которою поддерживалась эта борьба. И здѣсь, какъ во время Конрада и Фридриха, западный и восточный императоры соединены были родственными узами посредствомъ брака; но теперь яснѣе обнаружилась причина, по которой борьба съ папствомъ велась при участіи Византіи и при помощи византійскихъ войскъ. Прося деспота эфирскаго дать свободный пропускъ черезъ его землю вспомогательнымъ войскамъ, посланнымъ въ Италію императоромъ I. Ватацею, Фридрихъ II пишетъ, между прочимъ: «Мы не только нашей правды памѣреваемся искать, но и правды друзей нашихъ и любезныхъ сосѣдей, которыхъ соединила во Христвъ въ одно чистая и невозмутимая любовь, по преимуществу же правды грековъ, родственниковъ и друзей нашихъ, которыхъ папа (тогда былъ на римскомъ престолѣ Иннокентій IV), за нашу взаимную

(¹) Ep. 252.

(²) Ibidem, ep. 410, 411, 424, 432.

(³) Miklosich et Müller, Acta et diplomata..., Wien 1865., T. III, ss. 69—76, § особенно письма XVI и XVIII.

пріянь и любовь, воздвигая на насъ свой ненаказанный языкъ, называетъ нечестивѣйшими и еретиками, хотя они—христіанѣйшій родъ, самый крѣпкій въ вѣрѣ Христовой и самый правовѣрный». Фридрихъ II, по своимъ воззрѣніямъ на папство и на отношенія восточной и западной имперіи, правда, далеко опередилъ свое время; но въ византійской исторической литературѣ подобное воззрѣніе встрѣчается и ранѣ половины XIII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если бы было немного побольше политической сообразительности въ правительствахъ византійскомъ и европейскихъ въ періодъ, напримѣръ, крестовыхъ походовъ, если бы у однихъ было менѣе подозрительности, у другихъ честолюбія и алчности, цѣль крестовыхъ походовъ была бы достигнута по крайней мѣрѣ при второмъ походѣ. Во всякомъ случаѣ, Фридрихъ II уже относится къ идеѣ папства съ полнымъ недоверіемъ и предупреждаетъ въ этомъ отношеніи дѣателей XV и XVI вв. «Я не могу понять, говорить Фридрихъ въ письмѣ къ Ватацѣ, какъ онъ, называющій себя великимъ архіереемъ, публично подвергъ отлученію тебя и всѣхъ подвластныхъ тебѣ римлянъ и безъ стыда называетъ еретиками правовѣрнѣйшихъ людей, отъ которыхъ вѣра христіанская разошлась по всѣмъ концамъ земли; — какъ онъ, виновникъ схизмы, коварно притворствуешь, чтобы взвести обвиненіе на певинныхъ какъ онъ, прикрываясь святостію, черезъ слугъ и вѣстниковъ его воли, не перестаетъ всегда внушать латинянамъ—называть отступниками отъ вѣры и вносящими соблазнъ тѣхъ, которые прежде и отъ начала обогащали благочестіе и проповѣдывали миръ всѣмъ странамъ; какъ издавна дьявольскимъ внушеніемъ навѣянную злобу къ римлянамъ, которую не могли искоренить, въ теченіе продолжительнаго періода времени, многіе великіе архіереи и слуги Христа словомъ и дѣломъ и усердною молитвою, онъ, въ многоразличныхъ видахъ усиливъ ее, думаетъ уничтожить въ короткое время хитрыми словами и коварными внушеніями? Не онъ-ли, увлекаемый странною прихотью, публично расторгъ бракъ, заключенный между тобою и нашею любезнѣйшею дочерью, называя его передъ своимъ соборомъ незаконнымъ, какъ бракъ съ еретичкою? Обличенія римскаго первосвященника въ чрезмѣрныхъ притязаніяхъ на безраздѣльное господство, извѣстныя изъ сочиненій писателей

восточнаго исповѣданія, и въ соответствующей мѣрѣ выставленіе заслугъ византійской церкви, несомнѣнно, важнѣйшая сторона писемъ Фридриха; въ этомъ отношеніи ихъ безъ всякаго колебанія можно бы приписать любому просвѣщенному греку какаго угодно столѣтія. Только человѣкъ, отрѣшившійся уже отъ средневѣковой практики, феодальныхъ отношеній, умственнаго усыпленія и рабства, притомъ знакомый съ состояніемъ византійскаго духовенства, его отношеніемъ къ государству, съ церковно-исторической практикой и т. п., могъ такъ открыто высказать и прямо взглянуть на неправды римской церкви. Послушаемъ его еще далѣе: «Откуда же это переняли наши архіереи поднимать оружіе на христіанъ и вмѣсто священнон мантии облекаться въ латы, вмѣсто духовнаго жезла носить копыя, вмѣсто трости лукъ со смертоносными стрѣлами, безъ нужды держа въ рукахъ спасительное оружіе креста. Какое вселенскій или помѣстный соборъ, какой сонмъ мужей—богословъ передалъ это, объявилъ или заповѣдалъ? Если бы кто сталъ сомнѣваться въ этомъ, совѣтую ему взглянуть самому на соборъ св. кардиналовъ и архіереевъ, облеченный въ военное всеоружіе; одинъ изъ нихъ имѣетъ титулъ герцога, другой маркиза, иной графа, каждый владѣетъ епархіей, которою онъ и командуетъ. Одинъ устрояетъ фаланги, другой повелѣваетъ ротами, третій начинаетъ войну, нѣкоторые исполняютъ обязанности начальниковъ стана и знаменосцевъ. Вотъ каковы духовные и священныя символы мира. Ужели такъ установили ученики Христовы? Увы, есть однако много неразумныхъ, которые произвольно приписываютъ имъ святость, каждодневно увеличивая число святыхъ, какъ въ баснѣ растутъ исполины. Таковы нынѣ пастыри во Израилѣ, — это не архіереи церкви Христовой, но волки жадные, звѣри дикіе, поѣдающіе народъ Христовъ. Сколько человѣкъ въ Аллеманіи, Италіи и окрестныхъ странахъ по ихъ винѣ убито, плѣнено и обращено въ бѣгство, кровь погибшихъ взмучается отъ руки ихъ. И вотъ теперь обличилось лукавство ихъ и онъ, высокоумнѣнный (т.е. нап) покрытъ стыдомъ. Уклонились многіе отъ его ученія, и прежніе защитники теперь обратились противъ него»...

Не могу съ тою же подробностію передать соответствующія мѣста изъ византійскихъ писателей, хотя по близ-

тому сходству съ приведенными воззрѣніями онѣ стоили бы полной передачи. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ поставить сочиненіе Евстаѳія Солунскаго, Объ исправленіи монашеской жизни⁽¹⁾, гдѣ весьма рѣзко порицаются поврежденіе нравовъ и мірскія заботы, овладѣвшія чернымъ духовенствомъ; далѣе—Нивиту Акомината изъ Хонъ, писавшаго въ началѣ XIII вѣка. У него встрѣчаемъ такой реальный, отзывающійся новымъ временемъ, взглядъ на монастыри и обязанности духовенства, какой едва-ли встрѣтишь не только въ современной ему, но и въ болѣе поздней западной литературѣ. Высокія задачи вселенской церкви, направляемыя къ водворенію мира и любви между народами — задачи, совершенно забытыя западною церковію, высказываются въ нѣкоторыхъ посланіяхъ патріарха Николая Мистика (X в.), которымъ далъ прекрасное объясненіе и историческую постановку В. И. Григоровичъ въ актовѣ рѣчи 1866 года⁽²⁾.

Я боюсь злоупотреблять вашимъ вниманіемъ и входить въ разборъ другихъ вопросовъ, въ которыхъ византійскія занятія открываютъ новый, неожиданный кругозоръ и ведутъ къ любопытнымъ соображеніямъ. Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ были сдѣланы попытки сравнить византійскіе источники съ западными, преимущество, по строгой справедливости, приписано византійцамъ. Изслѣдованіе Зибеля объ источникахъ исторіи перваго крестоваго похода⁽³⁾ приводитъ къ заключенію, что свидѣтельства Анны Комниной во многихъ отношеніяхъ должны быть предпочтены западнымъ лѣтописцамъ; на основаніи частію русскихъ лѣтописей, частію византійскихъ строится новая попытка объяснить мотивы I-го крестоваго похода⁽⁴⁾. Исторію IV похода по преимуществу излагаютъ по западнымъ лѣтописцамъ, пренебрегая свидѣтельствомъ

(1) Tafel, Eustathii opuscula, Francofurti ad Moeum 1832, s. 214. — De emendanda vita monachica.

(2) Какъ выражались отношенія Константиноп. церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ болгарамъ въ началѣ X стол. Одесса 1866 г.; присоединяетъ еще Θεοφιλάкта Болгарскаго (XI в.), см. объ немъ у В. Г. Васильевскаго, Византія и печенѣги въ ноябр. кн. 1872 г. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія.

(3) Sybel, Geschichte des ersten Kreuzzugs, Düsseldorf 1841.

(4) Указанная выше статья г. Васильевскаго.

византійца Никиты Акомината. Между тѣмъ этотъ просвѣщенный, чуждый пристрастія и ложнаго патріотизма писатель, понималъ тогдашнія отношенія также ясно, какъ обстоятельно разъяснила ихъ современная критика новой школы (1), и во всякомъ случаѣ болѣе осмысленныя, правдивыя и безпристрастныя свѣдѣнія сообщаетъ о византійскихъ событіяхъ, чѣмъ предпочитаемые ему западные лѣтописцы.

Не говоря о частныхъ историческихъ вопросахъ, которые подлѣе, а иногда и лучше объясняются при посредствѣ византійскихъ занятій, можно шире ставить и самыя задачи изслѣдованія, не боясь напрасной траты силъ и времени: имѣю въ виду, что внутренній строй средневѣковой Европы находить для себя аналогичныя явленія и объясненія въ жизни византійскаго общества. Общественно забываютъ, что европейскія новыя государства возникли подъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ учрежденій, что Византія также стояла на почвѣ римскаго права. Если въ западноевропейскихъ государствахъ возникли при этомъ вліяніи извѣстныя учрежденія, то почему же и въ Византіи не быть имъ? Феодальныя отношенія, куріальное устройство общинъ, поглощеніе мелкой собственности крупною, борьба императоровъ противъ динатовъ и архонтовъ, новеллы, обезпечивющія за мелкимъ собственникомъ его участки; значеніе духовенства въ исторіи этой борьбы, гвельфы и гибеллины, — не кажется ли вамъ, что это явленія жизни во франкскомъ государствѣ, а не въ Византіи? Любопытныя извѣстія объ византійскомъ феодализмѣ, еромъ памятниковъ законодательства (2), находятся у писателей, напр. Кедрина, Атталіоты и Биннама. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько словъ изъ нихъ. Кедринъ рассказываетъ объ императорѣ І. Цимисхіѣ, который, возвращаясь изъ похода въ м. Азію, близъ Аназарва, въ Каппадокіи, пораженъ былъ зрѣлищемъ огромныхъ земель и помѣстій. Когда ему сказали, что все это принадлежитъ

(1) Сравни Kugler, Studien zur Geschichte des II. Kreuzzugs, ss. 111 — 148 и Nicetas p. 536 ed. Bonn.

(2) Levenclav., Corpus juris Graecoromani; Mortreuil, Histoire du droit byzant; Zachariae, Jus Graeco-Romanum.

кувигуларію Василию и въ разное время разными императорами отвоевано у враговъ, императоръ, болѣзнуя о томъ, что лучшія земли находятся въ частномъ владѣніи, а необработанныя принадлежать казнѣ, выразилъ глубокое сожалѣніе по этому поводу (нужно знать, что новеллы, издаваемыя съ X вѣка, не предупреждали уже зла). Слова императора не обошлись ему даромъ. Черезъ нѣсколько времени онъ отравленъ былъ виночерпіемъ, подкупленнымъ кувигуларіемъ Василиемъ. Не менѣе рельефно рисуется тяжкое положеніе мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ у Аттالیоты (1). Онъ высказываетъ мысль, что корыстолюбіе и дурная система заставляла византійскихъ гражданъ предпочитать иноземное господство. Дошло до того, говоритъ Киннамъ, что свободные стали продавать свою свободу за три овола, поступали въ рабство къ богачамъ и исполняли у нихъ рабскую службу; если, не вынося обременительныхъ работъ и жестокости, они сбѣгали, ихъ розыскивали и поступали съ ними какъ съ бѣглыми рабами (2). Я оставляю безъ комментарія эти свидѣтельства, потому что и безъ него онѣ имѣютъ неоспоримую силу, подтверждая существованіе доказываемой мною аналогіи отношеній западныхъ и восточныхъ.

При невнимательности западно-европейской науки къ византійскимъ занятіямъ, небреженіи и отрицаніи значенія ихъ, должны ли и мы оставаться къ нимъ безучастными и холодными; должны ли и въ Россіи относиться къ Византіи какъ къ второстепенному отдѣлу всеобщей исторіи, знакомство съ которымъ не важно и не любопытно, притомъ же обременительно; слѣдуетъ ли и на будущее время оставаться Византіи загадкой во всемирной исторіи? Едва ли нужно приводить доказательства на то, что изученіе византійской исторіи стоитъ въ близкой связи съ изученіемъ славянской и русской исторіи. Не мнѣ указывать на тотъ долгъ, которымъ

(1) Attaliota, p. 195 ed. Bonn.

(2) Частный, гдѣ не можѣ любопытный случай совпаденія: въ Византіи императоръ Андроникъ Комнинъ (1183—1185) вооружается противъ гнуснаго, по словамъ Никиты, обычая грабить суда, потерпѣвшія крушеніе—феодалнаго права, по которому все выброшенное моремъ составляло собственность владѣльца берега; во Франціи этотъ же вопросъ поднятъ Филиппомъ Августомъ въ 1191 году; сравни Nicetas p. 423 ed. Bonn и Мошцентовъ de l'histoire de tiers-état I. p. 110.

обязана Россія Византіи и на вытекающія отсюда требованія отъ русскаго общества. Лица съ высокимъ научнымъ и общественнымъ авторитетомъ неоднократно указывали на занятія Византіей, какъ на благодарный и полезный трудъ. Академія наукъ изслѣдованіями Байера, Шлецера, Штриттера, Круга, Куника, поощреніемъ трудовъ частныхъ лицъ—употребляла мѣры къ оживленію византійскихъ занятій и облегченію ученыхъ предпріятій на этомъ поприщѣ (1); СПб. духовная академія начинала переводъ византійскихъ историковъ на русскій языкъ; въ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ изрѣдка появляются попытки русскихъ ученыхъ овладѣть матеріаломъ, сообщаемымъ византійскими писателями, и ввести его въ кругъ вопросовъ всеобщей, русской гражданской и церковной исторіи. Направленіе разработки средневѣковой исторіи, судя по отдѣльнымъ попыткамъ, должно значительно измѣниться, и можно думать, что восточно-европейская исторія съ теченіемъ времени завоюетъ себѣ болѣе пространное и не служебное мѣсто во всеобщей исторіи.

Служить такимъ высокимъ и плодотворнымъ задачамъ есть долгъ русской науки вообще и университетской въ частности. Императорскому новороссійскому университету, представителю русской науки на отдаленной окраинѣ нашего отечества, въ ближайшемъ содѣйствіи съ Цареградомъ, и по мѣстнымъ условіямъ представляется болѣе нравственныхъ побужденій, способовъ и средствъ, исполняя священный долгъ признательности по отношенію къ Византіи, почтить ее доброю памятью и способствовать оживленію въ Россіи византійскихъ занятій.

(1) Привожу нѣсколько словъ изъ статьи академика Куника, помѣщенной въ Ученыхъ запискахъ академіи наукъ 1854. II. «Что оживленіе византійскихъ занятій есть обязанность Россіи, что теперь она, ради своей ученой славы, не можетъ остаться позади другихъ образованныхъ странъ, нужно ли для кого-нибудь это доказывать? Кто можетъ сомнѣваться, что самое многостороннее и сильное покровительство Россіи византійскимъ занятіямъ никакой странѣ не доставитъ столько приобрѣтеній, какъ самой Россіи? Въ подтвержденіе того — не говорить ли уже одна древняя славяно-русская письменность, произведенія которой состоятъ или изъ переводовъ съ византійскаго, или изъ подражанія византійскимъ образцамъ, и которая до Петра Великаго была почти единственною умственной пищей для русскаго народа».